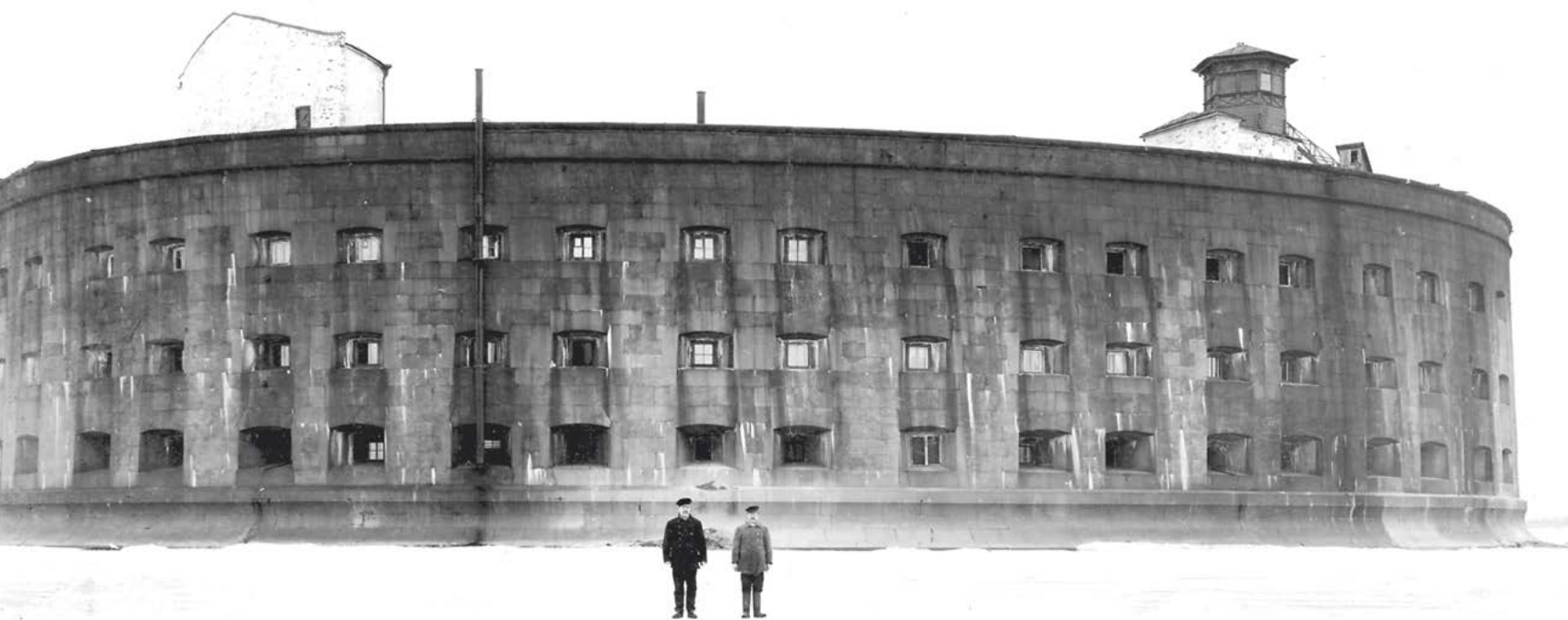

КАРАНТИН НА ЮЖНОМ РЕЙДЕ

Окончание. Начало читайте в №1(78) 2013

ЛЕОНИД АМИРХАНОВ

Форт Император Александр I — одно из немногих фортификационных сооружений, которое после окончания военной карьеры обрело славу в другом, совершенно неожиданном обличье. Именно поэтому даже коренные жители Кронштадта порой с трудом припоминают его официальное название, предпочитая «народное» — Чумной форт.

Во второй половине XIX века прогресс артиллерии заставил искать новые фортификационные формы. Не стала исключением и Кронштадтская крепость. Увеличение дальности стрельбы вынудило выносить передовые оборонительные сооружения на значительное расстояние от ее центра. Форты Южного фарватера утратили свое военное значение и использовались в качестве складов. Но форту Александр, рассказ о котором мы начали в предыдущем номере, была уготована другая судьба.

УЖАСНАЯ ГОСТЬЯ

«Черная смерть», или «Великая чума» — одна из чудовищных страниц истории человечества. Так называли пандемию (глобальную эпидемию) чумы, начавшуюся в Китае и Цен-

тральной Азии в период 1320–1330 гг. В течение нескольких лет солдаты и торговые караваны разнесли «черную смерть» по всему континенту. Периодически чума появлялась в разных районах земного шара, унося сотни тысяч жизней. Спасения от болезни не было. Вот лишь некоторые страницы этой страшной летописи.

1570 год. Эпидемия в Новгороде сопровождалась массовыми беспорядками, во время которых обезумевшие от страха горожане сжигали больных. Палачи заражались от своих жертв и сами становились жертвами.

1601–1609-е годы. В правление Бориса Годунова чумой были охвачены 35 российских городов. В одной только Москве умерло 480 тысяч человек.

1665–1666-е годы «Великая чума» в Лондоне, во время которой умерло приблизительно 100 тысяч человек (20% всего населения).

1771 год. Эпидемия в Москве. Люди умирали не только от чумы, но и от голода, так как действовал строжайший карантин.

1876–1895-е годы. В Сибири и Забайкалье заболели более 20 тысяч человек.

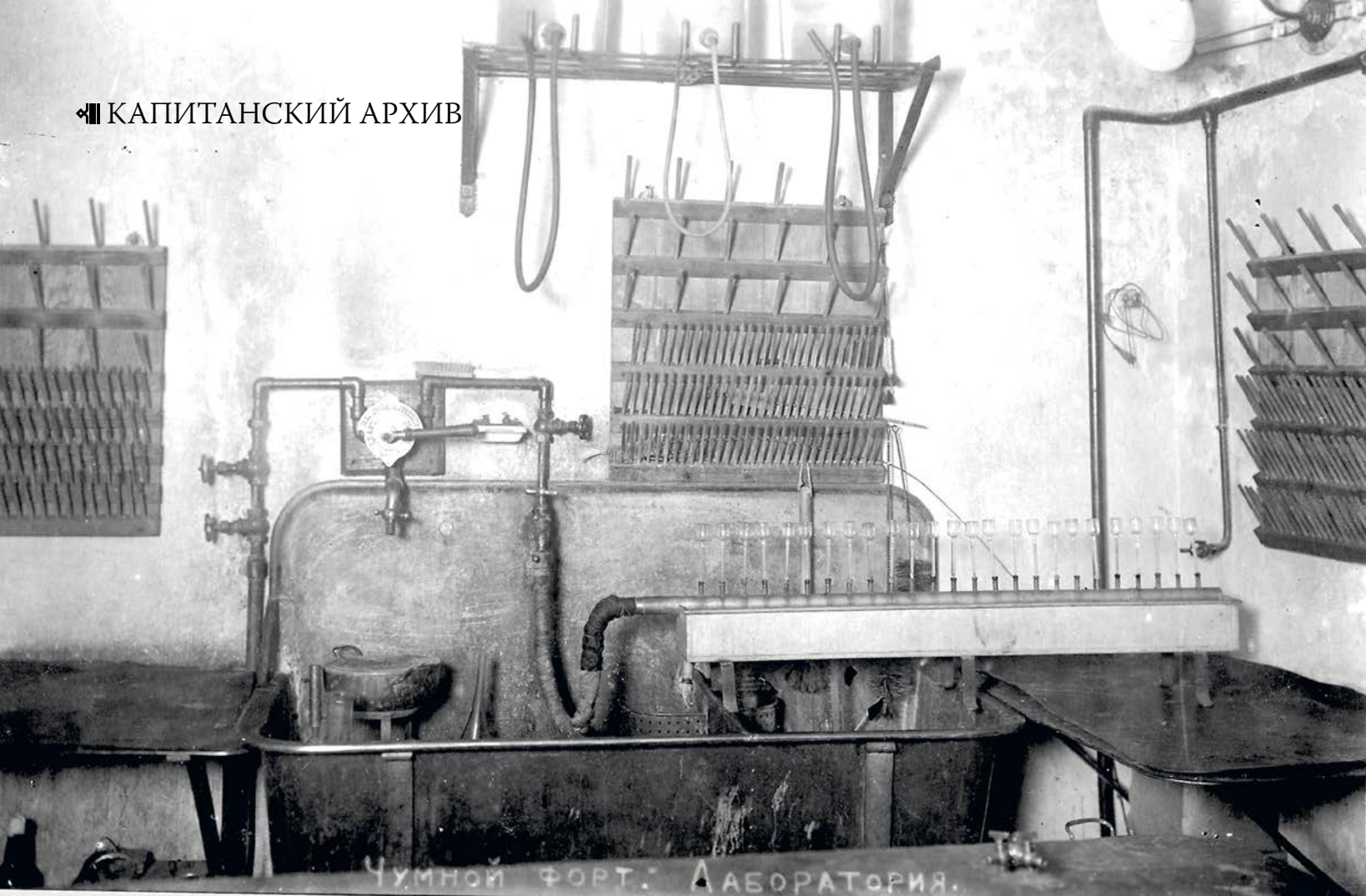
В 1812, 1829 и 1837 годах в Одессе произошли три вспышки чумы. Умерли 1433 человека.

1855 год. Пандемия началась в провинции Юньнань в Китае. За короткий срок чума убила более 12 миллионов человек в Китае и Индии.

В XIX веке в России произошло 15 вспышек чумы, унесших несколько миллионов жизней. »

Подъем автоклава для пастеризации вакцин и сывороток на третий ярус форта

Помещение для мытья лабораторной посуды

Несмотря на все усилия, возбудитель чумы был открыт А.Иерсеном лишь в 1894 году. Но уже в 1896-м разразилась страшная бомбейская чума. Работая в Индии, А.Иерсен и В.А.Хавкин смогли предложить первые реальные средства ее лечения и профилактики. Бомбейская чума унесла миллионы человеческих жизней, и тогда в России решили создать особый оперативный орган, который ведал бы всеми противочумными мероприятиями.

Так возникла «Особая комиссия для предупреждения занесения чумной заразы и борьбы с нею в случае ее появления в России», или «Комочум». Она была высочайше утверждена на основании императорского Указа Правительствующему Сенату 11 января 1897 году. Председателем «Комочума» стал принц А.П.Ольденбургский, заместителем по финансовым вопросам — С.Ю.Витте, а по научным — профессор, выдающийся микробиолог А.А.Владимиров. Бюджет Комиссии в отдельные годы достигал 2 млн руб., но основная заслуга в финансировании ее деятельности, бесспорно, принадлежит принцу Ольденбургскому.

С начала 1897 года опорной базой «Комочума» стал Императорский Институт экспериментальной медицины (ИИЭМ). В 1898-м приступили к производству противочумной вакцины — «лимфы Хавкина». Производство препаратов осуществляли в двух небольших деревянных бараках, расположенных на территории усадьбы ИИЭМ (Лопухинская ул., 12). А.А.Владимиров вспоминал: «Когда мы приступили к работе, еще ничего не было известно о путях заражения бубонной чумой. У страха глаза велики, и, чтобы предупредить заражение через поврежденную кожу, четверо из нас, допущенных непосредственно к манипуляциям с живым вирусом и с инфицированными животными, перестали бриться и обросли бородами».

Ветеринарные врачи форта во время вскрытия трупа лошади

Очевидно, что для подобной работы было необходимо какое-то особое, строго изолированное помещение, отстоящее от города дальше, чем усадьба ИИЭМ. Уже 26 января 1897 года, то есть почти через две недели после образования «Комочума», принц А.П.Ольденбургский добился согласия царя, военного министра и коменданта Кронштадтской крепости на передачу ИИЭМ под чумную лабораторию выведенного за штат форта Император Александр I.

«Комочум» получил форт в виде голых стен, которые следовало приспособить под новые задачи. Руководил переоборудованием помещения архитектор Г.И.Люцедарский. Затраты составили около 170 тыс. руб.

Лаборатория была прекрасно оборудована и имела два отделения: заразное и незаразное. Между ними было нейтральное помещение.

На втором этаже имелась «парадная» комната для приема гостей и проведения конференций, украшенная, разумеется, портретами венценосных особ. В середине комнаты находился своеобразного фасона диван, который представлял собой каменный пушечный траверс, обтянутый материей. На нем лежала ценная реликвия — большой бронзовый ключ от ворот форта с инициалами императора Николая I.

Бытовые условия были хорошими: у каждого сотрудника была отдельная жилая комната, имелась научная библиотека и бильярд. Но однообразная жизнь и специфический характер работы накладывали свой мрачный отпечаток. Здесь могли работать только люди, беззаветно преданные науке и готовые рисковать своей жизнью в борьбе с чумой. А был еще и вспомогательный персонал лаборатории — более 30 человек: фельдшеры, служители, конюхи, механики, состоявшие при машинном отделении.

Журналист Эйзень, побывавший на форте, писал: «В незаразном отделении устроен целый зверинец — все это животные, служащие для опытов прививки чумы и других болезней: обезьяны, кролики, морские свинки, крысы, мыши, сурки (сибирские тарбаганы), в которых предполагают переносчиков чумной заразы в Сибири, суслики (овражки), очень

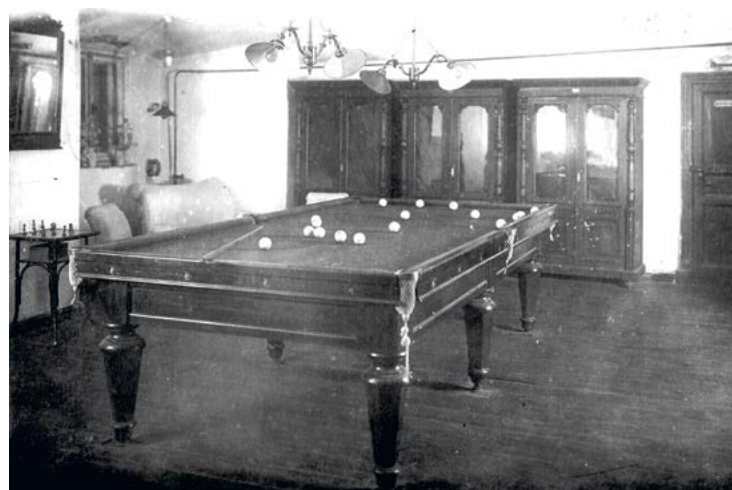

Принц А.П.Ольденбургский — создатель Института экспериментальной медицины и Особой лаборатории на Чумном форте

восприимчивые к чумной заразе и, ввиду быстроты передвижения, могущие быть опасными распространителями чумы... Наряду с этим мелким “лабораторным материалом”, я увидел тут же в особых помещениях целое стадо северных оленей и несколько верблюдов... Но все это пока материал второстепенный: главное место отведено лошади. Кровь лошади, переработавшая в себе чумной яд, дает нам спасительное средство от чумы.

В конюшнях лаборатории, при моем посещении, находилось 16 лошадей; из них были такие, которые уже в течение 3-х лет вырабатывают противочумную сыворотку. Часть небольшого внутреннего дворика занимал манеж для лошадей.

В 9 часов утра персонал входил в лабораторию, а в полдень по свистку работы прекращались — наступало время обедать. С 15.00

Бильярд в библиотеке Особой лаборатории

работа возобновлялась и продолжалась до 18.00. Работали в прорезиненных плащах поверх халатов, в таких же штанах, в резиновых ботах. В качестве дезинфицирующего средства употреблялась сулема как для обтирания ног о пропитанные ею коврики, так и для опрыскивания прорезиненной одежды. В прихожей стояла кадка с сулемой, в нее перед уходом погружали для дезинфекции резиновые боты. В 8 часов вечера массивные ворота форта запирались на ключ. На Эйзеня условия работы на форту произвели сильнейшее впечатление: «Серая суровая крепость из гранитных плит, о которые ударяются волны. Маленькая площадка — пристань. Мы были очень радушно встречены заведующим Чумным фортом — лабораторией — В.Выжникевичем. Это был красивый, элегантный высокий брюнет лет 35–40. Предводимые Выжникевичем, мы обошли все помещения лаборатории, где практиканты производили особое впечатление в своих, желтой полупрозрачной клеенки, халатах, с таким же кошаком на голове и в огромных галошах-кораблях такого же цвета. Особенно А.Н.Червенцов в таком одеянии представлял какое-то могучее морское страшилище. Жутко, сказать по правде, было смотреть на зараженных чумою крыс, кроликов и свинок. Чувствовалось, что ходишь около смерти. Осмотрели и все животники, конюшни, кремационную печь для сжигания трупов животных. В заключение обхода Выжникевич обратил наше внимание на шикарный металлический гроб и объяснил, что это на случай смерти от чумы кого-либо».

Этот гроб мог пригодиться дважды, но в обоих случаях заразившихся лабораторной чумой сжигали в кремационной печи для животных. Об этом чуть ниже.

Еще один посетитель лаборатории, Красавицкий, вспоминал: «После сильных впечатлений лаборатории и гроба — memento mori — приятно было войти в библиотеку, большую и светлую залу, отделанную под судовую кают-компанию. Круглые оконца крепостных стен, обращенные к морю, напоминали судовые иллюминаторы. Вдоль стен уютные, обитые темной кожей сплошные диваны. Стены, потолок, столы, стулья, книжные шкафы и полки — все темного дуба. Все было сделано для уюта отшельников науки, подвизавшихся на форте. Комнаты их тоже напоминали каюты моряков, но в увеличенном размере. В завершении нашего обзора мы приняли »

Сотрудники Особой лаборатории у постели Л.В.Падлевского

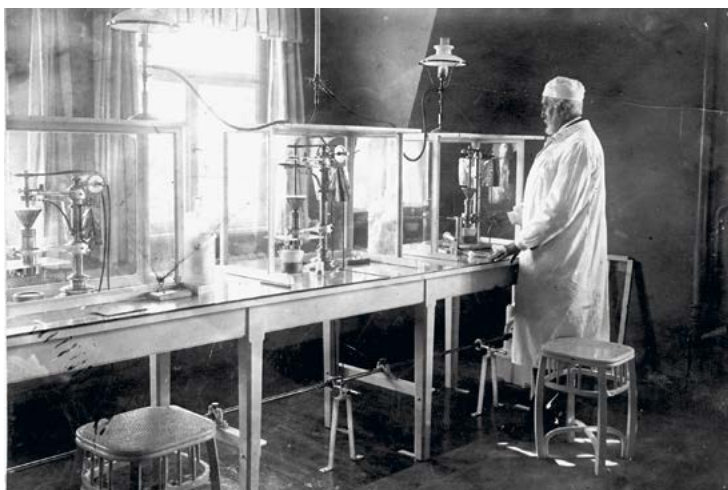
участие в обеде всей компанией форта, в столовой их собрания. Моим соседом слева был д-р Шрейбер, с которым мы очень быстро сошлись. Это был ниже среднего роста, плотный типичный русский немец, с рыжеватыми усами. Весельчак, благодушный малый. И скоро, за рюмкой вина, у нас полились шутки и смех. Никак не чуялось, что это, как и наш хозяин — близкие жертвы лабораторной чумы».

Сообщение форта с берегом, то есть Кронштадтом и поселком Лисий Нос, поддерживалось только по мере производственной необходимости с помощью маленького пароходика, носившего символическое название «Микроб». Также имелась телефонная линия с Кронштадтом и телеграфная с Петербургом. Из Чумного форта вакцины и сыворотки

распространялись по всей России. Это позволило остановить практически все многочисленные вспышки чумы в Поволжье и Закавказье, а также эпидемии в 1910 году в Одессе и на Дальнем Востоке. Кроме того, вакцина поставлялась и за границу. Причем цены на продукцию «Комочума» были ниже цен Пастеровского института в Париже и филиала этого института в Бомбее, где работал доктор Хавкин.

Столь опасная работа не могла не иметь последствий. Случаев

Научный сотрудник Особой лаборатории во время биохимических опытов

заражения и смерти врачей было немало. Во время эпидемии 1894 года в Гонконге заболели чумой три японских врача. В июне 1899-го в Лиссабоне погиб врач Пестана, уколотивший себе палец во время вскрытия чумного трупа. В 1903-м в лаборатории Коха в Берлине погиб от легочной чумы доктор Закс. Л.З.Мороховец

Высокие чины прибыли на форт. Охранник у будки отдает честь. Рабочие продолжают укладывать брусчатку

по этому поводу писал: «...в ледяном ужасе оцепеневала мысль при виде того, как эта ужасная гостя, так предательски давшая специалистам-ученым уловить себя в пробирки, в склянки в Индии, так беспощадно поражала посвятивших себя изучению ее, и именно в таких условиях научных институтов Европы, где, по всем видимостям, должны были царить наиболее препятствующие не только распространению ее условия, но даже — исключая возможность проникновения в какой бы то ни было организм без воли человека...».

Посетила эта «ужасная гостя» и форт Александр.

ЖЕРТВЫ НАУКИ

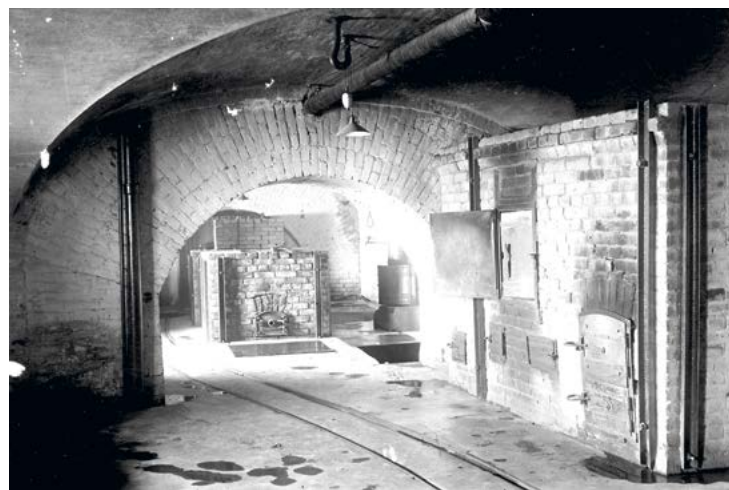
Заведующий Особой противочумной лабораторией Института экспериментальной медицины Владислав Иванович Турчинович-Выжникович (1865–1904) заболел 3 января 1904 года острым лихорадочным заболеванием, сопровождавшимся сильным ознобом и рвотой. Температура в этот день к вечеру поднялась у него до 40 °С и держалась на такой высоте с небольшими колебаниями в течение следующих суток. При больном в это время присутствовали доктора Шрейбер, Падлевский, Грыглевич

и Шурупов, которые ex consilio уложили его в постель и 4 января вечером вызвали телеграммой из Петербурга доктора Заболотного.

28–31 декабря Выжникович работал с чумной массой, подвергая ее особой, им изобретенной обработке. Это была весьма опасная работа, при которой вероятность вдыхания

живых чумных бацилл была очень высока. Кроме того, в кабинете Выжниковича после его смерти на полу нашли разбитую керамическую ступку. Можно предположить, что во

Помещение, в котором располагались печи для кремации

время работы с чумной массой произошло что-то непредвиденное. 31 декабря он уехал в Санкт-Петербург, чтобы подготовиться к Пироговскому съезду. Учитывая, что инкубационный период чумы в большинстве случаев не превышает трех суток, очевидно, что, уже будучи зараженным и представлявшим реальную опасность для окружающих, доктор общался с людьми, но, к великому счастью, никого не заразил. Директор ИИЭМ С.Н.Виноградский писал: «Еще 2 января (выделено мной. — Л.А.) товарищи видели его здоровым и деятельно готовящимся принять участие в трудах Пироговского съезда. 3 января он уехал на форт и более оттуда не вернулся». 7 января Выжникович скончался.

4 января к уходу за ним представили нескольких служителей лаборатории. Один из них, фельдшер Степан Поплавский заболел очаговой (чумной) пневмонией. Вечером 6 января у него появились первые симптомы. Проба крови подтвердила диагноз, но к 20 января Поплавского удалось вылечить, вводя несколько раз

под кожу противочумную сыворотку в объеме 200–250 куб. см.

У человека, постоянно пребывающего в зоне повышенного риска, чувствительности притупляется. 12 февраля 1907 года доктор М.Ф.Шрейбер работал с чумной флорой. При этом он нарушил правила безопасности, и культура чумы попала ему в рот. Доктор промыл рот сулемой и никому ничего не сказал. На следующий день Шрейбер отправился в Кронштадт. Встречался он с кем-нибудь в городе или госпитале, неизвестно. Но какие-то контакты были наверняка, как минимум на пароходе. 14 февраля заболевание проявилось, и 17 февраля Шрейбер умер. Кронштадт был на волоске от эпидемии, но небесные силы не допустили этого.

Через три дня заболел доктор Л.В.Падлевский, ухаживавший за Шрейбером и вскрывавший его труп. Доктор Н.М.Берестнев поставил диагноз: бубонная форма чумы. Благодаря своевременным мерам и энергичному лечению Падлевского удалось спасти. »

Дружеская встреча в кают-компани
Особой лаборатории.
Третий слева — врач В.Н.Недригайлов

НОВАЯ ЖИЗНЬ?

В 1918 году (в некоторых документах упоминается 1921 год) Особая лаборатория была расформирована. Часть оборудования осела в Петрограде, часть послужила базой для создания в Саратове института «Микроб», куда по некоторым сведениям доктор А.И.Бердников вывез с форта культуры возбудителей чумы и холеры.

В советское время форт Александр I использовался как минно-торпедный склад, и на этом его история вроде бы закончилась. Ну, что интересного и исторически важного может произойти на складе? Инвентаризация, недостача, «опись, протокол, сдал, принял».

В блокаду форт был хорошей мишенью, не стреляли по этой черной громадине. Мины и торпеды в первые дни войны перевезли в более безопасное место, а пушки... Доподлинно известно, что в 1942 году в одном из казематов нижнего яруса форта Александр установили одну 45-мм пушку 21К — на всякий случай.

В послевоенные годы складская жизнь форта продолжалась, вяло перетекая в полное забвение. И 16 апреля 1957 года главком ВМФ приказом №0098 списал некогда грозный форт Император Александр I с учета как оборонительное сооружение.

После того как военные окончательно покинули форт, он стал местом паломничества

любителей летнего отдыха на воде и мародеров, укравших с форта почти все железное. Полное запустение на форту продолжалось до 2000 года, когда некая предприимчивая компания решила проводить здесь дискотеки. Часть молодежи встретила это с восторгом, но то, что после каждого такого мероприятия с форта выгребали горы одноразовых шприцов, не афишировалось.

Все это безобразие прекратилось волевым решением: форт перешел в ведение администрации президента России. Сейчас фортом управляет государственное учреждение «Дворец конгрессов», но фактически никакого управления не происходит. Денег не то что на реставрацию — нет и на консервацию, которая крайне необходима. Попытка заработать какие-то деньги, устраивая на форту мероприятия для «креативных компаний», оказалась неудачной. К тому же, совершенно очевидно, что форт, где создавалась сыворотка, спасшая десятки тысяч жизней, где ради этого погибли два выдающихся врача, — не самое лучшее место для проведения вечеринок и состязаний.

Остается надеяться, что государство все-таки обратит внимание на уникальный комплект кронштадтских фортов, равного которому в мире нет. ❧

Сотрудники Особой лаборатории у ворот форта. Бронзовые львы с ворот хранятся: один во Дворце Конгрессов, другой, зачем-то раскрашенный, в Центральном Военно-Морском музее

АЭРОФОТО: НИКОЛАЙ ИВАНОВ

